

Антология из Жан Поля Рихтера... В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://belinskiyvissarion.ru/> приятного чтения!

Антология из Жан Поля Рихтера... В. Г. Белинский
Переводчик думал оказать великую услугу русской публике изданием этой книжки. По его собственным словам, она должна «возбудить у нас желание изучить подробнее бессмертного гения Германии (то есть Жан Поля Рихтера!!..), философа, натуралиста и живописца нравов» и «утолить в читателях, прельщенных французскими романами, возбужденную ими жажду в новом, чистом, живом источнике». Стало быть, цель двояко полезная! Русской публике после этого ничего не остается, как низко присесть перед любезным и обязательным г. Б., переводчиком и издателем «Антологии из Жан Поля Рихтера»...

Г-н Б. питает к Жан Полю Рихтеру любовь, доходящую до страсти, до энтузиазма, любовь тем более благородную, что она совершенно одинока, ибо ее никто не разделяет с ним. Нельзя не согласиться, что в такой любви есть что-то умиленное, возбуждающее в других если не симпатию, то сострадание. Так как Жан Поль владеет более сердцем, чем умом г-на Б., и как г. Б. более «обожает», чем постигает Жан Поля, – то совершенно понятно, почему г. Б. видит в Жан Поле бессмертного гения, великого писателя, родного брата Гете и Шиллеру. Энтузиазм всегда неумерен и опрометчив, – оттого он всегда и расходится с истиною. Жан Поль в свое время был явлением действительно замечательным и не без основания пользовался титлом знаменитого писателя; но великим писателем, бессмертным гением он никогда не был и с Гете и Шиллером, особенно с первым, никогда и ни в каком родстве не состоял. Поэтому нам особенно неуместным кажется применение к Жан Полю стихов Баратынского к Гете, которые г. Б. взял эпиграфом к «Антологии»:

С природой одною он жизнью дышал,
Ручья разумел лепетанье
И говор древесных листов понимал
И чувствовал трав прозябанье;
Была ему звездная книга ясна,
И с ним говорила морская волна{1}.

Мы далеки от того, чтоб унижать достоинство Жан Поля, но тем не менее не затруднимся сказать, что эти стихи к нему вовсе не идут. Наполеоновские генералы были все люди с замечательными военными дарованиями и доселе пользуются большою известностью; однако ни об одном из них нельзя говорить и писать того, что можно говорить и писать о Наполеоне. Много на свете есть высоких гор, но это не мешает им быть ниже каждой горы, которая в соседстве Монблана или Эльбруса считается очень незначительною горою. Есть большая разница между замечательным и даже знаменитым человеком и между великим человеком. Для наполеоновских генералов большая честь занимать место на барельефах пьедестала его колоссальной статуи или своими миньютюрными изображениями составлять рамку для его большого портрета: в таком точно отношении находится Жан Поль к Гете или Шиллеру. Против этой истины, утвержденной национальным сознанием целой Германии и всего просвещенного мира, не устоит ничей личный энтузиазм.

Жан Поль навсегда утвердил за собою почетное место в немецкой литературе. Он имел сильное влияние на современную ему Германию, которая уже так мало походит на современную нам Германию. Хотя от смерти Жан Поля едва ли прошло двадцать лет, однако в это время в умственной жизни германцев произошло много великих переворотов, возникло много новых вопросов, и вообще направление Германии и ее симпатии значительно изменились. Несмотря на то, Жан Поль всегда будет находить себе в Германии обширный круг читателей, а Германия всегда с любовью будет вспоминать о нем, как воспоминает возмужалый человек о добром и умном учителе своей юности или о книге, которая уже не удовлетворяет его вкусам и требованиям, но которая в его юношеские лета была столько же полезною для него, сколько и любимую им книгою. Но из всего этого еще не следует, что Жан Поль был великим писателем, гением. Он обладал замечательно сильным талантом, принявшим, впрочем, до дикости странное направление и уродливо развившимся. Этому, конечно, много способствовал аскетический дух немецкой нации, узкость и теснота ее общественной жизни, которые способствуют сильному внутреннему развитию отдельных лиц, но задушают всякое социальное, богатое широкими симпатиями развитие людей, рожденных для общества. Такие гениальные личности, как Гете и Шиллер, собственной силою могли вырваться из этой душной сферы и, не переставая быть национальными писателями, возвыситься в то же время до всемирно-исторического значения. Но такие, впрочем, яркие и сильные таланты, как Гофман и Рихтер, не могли не поддаться губительному влиянию дурных сторон общественности, которую они

Антология из Жан Поля Рихтера... В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru окружены были, как воздухом. По таланту Гофман вообще выше и замечательнее Рихтера. Юмор Гофмана гораздо жизненнее, существеннее и жгучее юмора Жан Поля, – и немецкие гофраты, филистеры и педанты должны чувствовать до кюста своих силу юмористического Гофманова бича. Какою мастерскою кистию изобразил Гофман почтенного князя Иринеуса{2}, его комический двор и его микроскопическое государство! Какою глубиною дышит его превосходная повесть «Мейстер Иоганн Вахт»! Сколько прекрасных и новых мыслей о глубоких тайнах искусства высказал в самой поэтической форме этот человек, одаренный такою богато артистическою натурою! И все это не помешало ему вдаваться в самый нелепый и чудовищный фантазм, в котором, как многоценная жемчужина в тине, потонул его блестящий и могучий талант! Что же загнало его в туманную область фантазерства, в это царство саламандр, духов, карликов и чудищ, если не смрадная атмосфера гофратства, филистерства, педантизма, словом, скука и пошлость общественной жизни, в которой он задышался и из которой готов был бежать хоть в дом сумасшедших?.. Жан Поль был совсем другой натуры. Преобладающею стороною всего его существа было чувство, более пламенное и задушевное, чем сильное и крепкое, более расплывающееся, чем сосредоточенное и подчиненное разуму, более гуманное, чем многостороннее. Говорят, что Жан Поль не мог не заплакать от умиления, видя человека с лицом, сияющим от довольства и счастья. Дух его был по преимуществу внутренний и созерцательный. Поэтому его высочайшим идеалом человека была красота внутреннего развития личности, без всякого отношения ее к обществу, – и пафос всего его существования составляла не разумная деятельность, сияющая вносить в действительность свои собственные идеалы, но природа, луна, солнце, весна, роса, ручьи, облака, цветы, ночь, звездное небо. Полная елейной, несколько сентиментальной и расплывающейся любви, натура Жан Поля была ясна, спокойна и кротка. Он был одним из тех характеров, которые всегда делаются средоточием избранного дружеского кружка и обнаруживают на него часто одностороннее, но всегда прекрасное и благодетельное влияние. Из всех душевных способностей в Жан Поле особенно сильна была фантазия, так что она преобладала у него над самым разумом, которому не совсем недоступно было царство идей. Для такого человека все равно, где бы ни жить, и он может быть доволен всяким обществом, лишь бы оно не мешало ему жить внутри самого себя; а так как немецкое общество (особенно в то время) всего менее способно вызывать человека из внутреннего мира души его и всего способнее, так сказать, вгонять его туда, – то аскетический, в дико странных формах выразившийся дух сочинений Жан Поля становится совершенно понятен. Жан Поль не знал, подобно Гофману, ни отчаяния, ни негодования, ни жгучих страстей, и потому ему не трудно было всегда держаться на каких-то недостижимых созерцательных высотах, не опирающихся ни на какое действительное основание, и писать языком по большей части эпически спокойным, тяжеловато-возвышенным, нередко натянутым и всегда туманным. Он был романтик в душе, и если спускался на минуту с своих заоблачных высот, озаренных холодным светом ночной луны, то не иначе, как для того, чтоб подивиться, как люди могут не быть романтиками, и тогда-то разыгрывался его добродушный юмор, который никого не кусал и не сердил, как юмор Гофмана. Герои его романов, или, лучше сказать, его выпрепных фантазий, все люди восторженные, которые живут в одних высоких, поэтических мгновениях жизни, никогда не зевают и всегда импровизируют, вместо того чтоб говорить. Надо отдать им полную справедливость – они люди прекрасные, но только с ними скука смертельная. Так, например, в одном своем сочинении Жан Поль представляет поэта фирмиана{3}, имевшего несчастье жениться на Ленетте, самой прозаической и ограниченной женщине, которая ничего в мире не видит выше и важнее кухни. И действительно: вы видите, что фирмиан – человек возвышенный и восторженный, а Ленетта – не более, как хорошая кухарка; но в то же время вы чувствуете, что вам легче было бы провести всю жизнь вашу с Ленеттою, женившись на ней, чем одну неделю прожить с фирмианом в одной комнате и слушать его восторженные монологи к луне и солнцу, к жизни и смерти, к небу и к аду.

Г-н Б. очень хорошо сделал, поместив в своей книге статью умного французского литератора филарета Шалья «Очерк литературного характера Жан Поля»; только он не понял, что этот «очерк» служит самым сильным опровержением его собственного мнения о великости Жан Поля как писателя. Как ловкий француз, филарет Шаль не выговаривает ясно своей мысли, но, посредством тонкой и легкой иронии, грациозно разлитой в его статье, предоставляет угадать свою мысль самому читателю. В этом нельзя не убедиться, прочтя эти строки:

Немцы прозвали его единственным: Жан Поль der Einzige. Они были правы. Он был так особен, отличен от других, что никто по дерзнул передать его произведения ни на одном, европейском языке. Госпожа Сталь сделала легкий очерк его

Антология из Жан Поля Рихтера... В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru литературного характера; в нем заметно более блеска, нежели верности. Он жаловался на это с прискорбием. «Ах, сударыня, – восклицал он с шутливым добродушием, – оставьте меня варваром, вы изображаете меня слишком прекрасным!» Переводчики, ослепленные лучезарным сиянием гения, со страхом отступили от дивного феномена. Он написал около шестидесяти томов; никогда не видали еще подобного слога. Это хаос вводных предложений, подразумеваний; карнавал мыслей и языка; заселение новых слов, приходящих, по прихоти автора, требовать права гражданства в речи; периоды на трех страницах, без знаков соединения, состоящие из ста фраз: вводные предложения порождают другие и так далее; подобию на подобию, заимствованные у искусств, у ремесл, у самой глубокой учености. И в этом лабиринте нет аriadниной нити, чтоб показать вам дорогу; какая-то новая география: города, нигде не существовавшие – Гакрау, Шеэрау, Блинлох, Флакифинген; лексикон, грамматика, эстетика, создания воображения; князья, маркизы, о которых никто никогда не слышал, приходящие, как говорит Мольер, montrer le bout de leur nez[1], неизвестно зачем; короли, возводимые на вымышленные престолы; государственные советники и министры, являющиеся неизвестно откуда и переносящие терпеливо насмешки, и все это удивительным образом переплетено, убрано цитатами, междометиями, восклицаниями, каламбурами, эпиграммами, усеяно неожиданными порывами, трогательными сценами, белыми листками, отступлениями, которым посвящаются иногда целые томы, эпизодами, между которыми заблуждается главный предмет. Далее Филарет Шаль называет Жан Поля «писателем столь необъятным, столь мало читаемым, гением совершенно германским, покрытым для других наций тройным покрывалом, – единственным оригинальным писателем, столь оригинальным, что он не нашел себе ни подражателя в своем отечестве, ни переводчика у других народов». Все это сильно противоречит мнению о великости и гениальности Жан Поля. Одно из первых и непреложных условий, составляющих великого писателя, гения, есть простота, определенность, ясность и общедоступность изложения и слога, как свидетельство ясности и определенности его идей. Обыкновенные писатели потому пишут ясно и общепонятно, что их идеи обыкновенны и ничтожны; великие писатели пишут ясно и определенно потому, что вполне владеют своими идеями, и если их сочинения недоступны массам, – это не по мудрости изложения, а по высоте идей. Великие писатели даже в стихах умеют соединить красоту поэтического изложения с простотою почти прозаическою. Чем общее, следовательно, огромное содержание творений великого писателя, тем доступнее они для всех наций, тем более они суть достояние не одного какого-нибудь народа, но целого человечества. Как ни вытягивайте под эту меру доброго Жан Поля, он скорее перервется, пополам, чем подойдет под нее. Особенно не допустит его, даже и на цыпочках, если хотите, на каких угодно длинных ходулях, дотянуться до нее эта справедливая характеристика Филарета Шалья:

Если рассматривать Жан Поля в отношении к искусству и к исполнению, он стоит ниже Сервантеса. В его произведениях обозначается недостаток целого, связи и плавности. Чтение их оставляет впечатления неясные и противоположные. Из этого хаоса мыслей и чувств, как с раскаленного железа, брызжут тысячи искр, пламенных, высоких, комических: но это хаос. Один стиль этих дивных созданий есть уже феномен: девственная дубрава, ветви которой, переплетенные между собою, образуют непроницаемую ограду, представляет вам неодолимые препятствия. Язык, метафоры, правописание – все облекается у Жан Поля в праздничную одежду. Между тем нет никакого сомнения, что Жан Поль – писатель, заслуживающий всякого внимания, и что из 60-ти томов его сочинений можно выжать томов шесть более или менее интересных вещей, имеющих редко безотносительное, но чаще всего свое относительное достоинство. Желая говорить с доказательствами, мы должны прибегнуть к выпискам. Вот несколько мыслей о назначении и судьбе женщины в нашем обществе:

Я думал в то время о той брачной лотерее, в которой молодые девушки выбирают себе супруга-владельца, на той поре жизни, когда сердце их согрето чувством, но разум не просветлен. В их душе пустота, и среди этой пустоты горит пламя, как горел пламень на жертвеннике в храме Весты, без образа божества. Идол подавал знак, чтоб подошли к жертвеннику, и жертвоприношение совершалось. – Я думал, что она подвергнется обыкновенной участи своих подруг, что и она увянет, как цветок, сорванный и измятый грубою людскою рукою. Как быстро пробегут эти прекрасные дни кратковременной весны женской жизни! Не походила ли она, как почти все невесты, на тех младенцев, что Гарофало любил помещать в своих картинах: они тихо почивают; над их головками ангел держит терновый венец. Терновый венец есть брак: лишь только они просыпаются, ангел роняет венец, и уязвленное чело покрывается кровию. Все эти мысли меня занимали, но не от них навернулись у меня

Антология из Жан Поля Рихтера... В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
слезы на глаза. Всякий раз, как я устремлял взоры на это белое и розовое лицо, столь грациозное, приветливое, доброе, я внутренне покушался воскликнуть: «О, не будь так весела, несчастная жертва! это нежное сердце, хранимое тобою в груди, жаждет чистых и тихих наслаждений; ты сама того не знаешь... огонь грубой страсти испепелит его; но грациозные, бесцветные сновидения, рождающиеся на домашней подушке, не могут осчастливить этой милой головки...
Ты не предугадываешь, юная дева-невеста, что этот цветок твоей благоухающей молодости превратится в грубый источник, в котором человек будет утолять свою жажду. Он скоро не будет требовать от тебя ни чувствительной души, ни доброго и светлого ума; он в тебе будет ценить одну лишь работу рук, пот лица и быстроту твоих шагов, и если ты, в душевном расслаблении, будешь хранить долгое молчание и оставишь его в покое, он благословит свою судьбу. Этот свод безграничный и вечный, этот ковчег эмпирия, величественная вселенная – не привлекут твоих взоров и превратятся для тебя в бедное жилище, в убежище для хозяйства: ты будешь замечать в нем лишь одни веревки, дрова, куски ветчины, прядильные станки и изредка, в лучшие дни, визит в твоей приемной. Ты будешь смотреть на солнце, как на огромный шар, висящий над твоею головою, чтоб согреть, подобно печке, вселенную; на месяц, как на один из тех кристальных шаров, что ночью употребляют башмачники для освещения своей мастерской. Гордый Рейн не удивит тебя своим величием: ты будешь ценить его лишь в мелких местах, где безопасно можно полоскать белье. Боже мой! Рейн, превращенный в щелочной котел! Да и сам океан будет представляться тебе водоемом копченых сельдей. Из бесчисленного множества немецких книг ты изберешь себе одну: календарь на текущий год; и благодаря положению, занимаемому тобою в лестнице живущих, ты едва ли найдешь в газетах что-либо для тебя занимательного, разве только известия о приехавших иностранцах с паспортами в руках и остановившихся в соседней гостинице. Того требует положение женщины в свете, как говорят философы, ее космологический пехус[2]. Ты родилась для большого счастья: но как тебе достигнуть счастья? Твой бедный супруг не в состоянии даровать тебе лучшей участи, и общество не позволило бы ему иначе обращаться с тобой! Смерть внезапно навестит тебя, когда года доведут до равнодушия твое чувствительное сердце; добрые семена, зароненные в нем заботливой природой, еще не созреют, и ты уже переселишься в то блаженное небо, куда зовет тебя другое, улыбающееся будущее.
Вы удивитесь моей печали? Да не то же ли совершается каждую неделю перед моими глазами с душами, лишь только они выберут земною обителью женское тело.
* * *

Мать бедного сердца, которое ты хочешь осчастливить несчастьем, соединяя его навеки с другим сердцем, им не любимым, выслушай меня! Положим, что дочь твоя не погибнет под тяжестью жалкой участи, тобою ей предназначенной; но не превратила ли ты для нее роскошное сновидение жизни в бесплодный сон, не похитила ли ты у нее счастливые острова любви, все цветы, их украшающие, очаровательные дни, в них проведенные, и чувство, всегда полное восторга, с которым мы еще раз возвращаемся к ним, когда покрытые цветами холмы удаляются на дальний горизонт? Если твое материнское сердце вкусило радости, не лишай их своей дочери; а если другие были так жестоки, что похитили их у тебя, вспомни долгие мученья, тобою претерпенные, и не передавай этого печального наследия!
Положим даже, что твоя дочь осчастливит похитителя ее души, представь же себе – чем она была бы для предмета, любимого ее сердцем, и скажи – не достойна ли лучшей участи, как увеселять придверника навсегда закрывшейся за нею темницы? Но редко так счастливо сбывается. – Ты соберешь богатую жатву страданий и отяготишь душу двойным преступлением: с одной стороны, немое отчаяние твоей дочери, с другой – равнодушие к ней мужа, который позднее почувствует к ней отвращение или ненависть. Ты помрачишь ее молодость, ту эпоху жизни, когда каждое творение нуждается первых лучей солнца. О, лучше затми облаком печали все другие однообразные периоды жизни, так походящие друг на друга; не допускай идти холодному дождю на ее заре, пускай солнце взойдет тихо и радостно на безоблачном небе, да не бледнеют его лучи до полудни; не покрывай мраком это единственное утро жизни, никогда не возвратимое, раз утраченное и ничем не заменяемое!
Но если ты отдаешь на жертву своим честолюбивым намерениям, своему деспотизму не только радости, самые сладкие чувства, счастливый брак, улыбающиеся надежды и целые поколения, но и самое существование той, которую принуждаешь отдать руку не задушевному другу, – кто может оправдать тебя в твоих собственных глазах или высушить твои слезы, если твоя дочь, по своей добродетели, повинуется, молчит и умирает, подобно монахам-траппистам, не осмеливающимся нарушить обет молчания даже тогда, когда их монастырь делается жертвою неистового пламени; если дочь твоя, как плод, которого одна сторона пользуется лучами солнца, а другая в тени, – краснеет снаружи, между тем как сохнет внутри и не достигает зрелости; если

Антология из Жан Поля Рихтера... В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
дочь твоя, говорю я, открывает тебе свое растерзанное сердце и являет в весне жизни бледность и скорбь могильную; если тебе невозможно ее утешить, потому что совесть не щадит тебя от имени детоубийцы; наконец, если твоя жертва, изнуренная, лежит здесь пред тобою и без чувств рыдает; если это существо, лишившись сил в столь трудной и ранней борьбе, с прощением на устах и укоризною в растерзанных и мутных взорах, с судорожным трепетом, падает в бездонное море смерти... и ты стоишь на берегу и видишь ее, поглощенную еще в свежем цвете молодости, – о виновная мать! Кто тебя утешит на краю этой бездны, куда ты насильно вовлекла ее; если ты еще сберегла свое сердце – отчаянье убьет его, как оно убило сердце твоей дочери... Если же ты не виновна, я зову тебя – иди, присутствуй при этой жестокой смерти, смерти каждой минуты; – я спрашиваю тебя: твое дитя должно ли так погибнуть?

Какая бедная душа не произнесла хоть однажды тщетные молитвы любви и, расслабленная ледяным ядом, не могла поднять отяжелевшего языка! Продолжай любить, пламенная душа! Подобная весенним цветам, ночным бабочкам, нежная и мягкая любовь наконец проникнет сквозь оцепененную морозом душу, и сердце, жаждущее другого сердца, наконец его найдет.
Все это обнаруживает в Жан Поле душу любящую, чистую, добродетельную; все это согрето у него убеждением и чувством, все так хорошо, мило, трогательно, а главное – все это так истинно. О том же именно говорит и Жорж Занд. Но что такое перед ее страстными, огненными страницами эти добросердечные излияния достопознательного Жан Поля? – милый лепет умного и доброго ребенка в сравнении с громовую речь возмужалого человека, исполненного глубокого сознания и могучего негодования!.. Жалкое положение женщины в обществе возбуждает живое сострадание Жан Поля – он оплакивает его, но не перестает на него смотреть, как на неизбежное и неизменяемое; Жорж Занд, напротив, видит в нем следствие исторического развития, которое уже совершило свой цикл. В глазах Жан Поля мать, торгующая счастьем целой жизни своей дочери, есть явление как бы случайное, нарушающее собою гармонию общественной нравственности, – и он хлопочет силою кроткого, теплого убеждения исправить таковую «дражайшую родительницу», если бы она нашла где-нибудь, не подозревая в своем простодушии, что на таких матерей не действуют красноречивые строки. В то же время он видит в поступке такой матери только злоупотребление права, а самое право признает неотъемлемым, – и если бы бедная дочь, принесенная матерью в жертву своей корысти, прибегла к Жан Полю с жалобой растерзанного сердца и глубоко оскорбленного и поруганного своего человеческого достоинства, – добродушный Жан Поль, со всею филистерскою елейностью любящего сердца, утешил бы ее красноречивыми советами – терпеливо покориться ее участи, к радости погубивших ее извергов-спекулянтов. Он сказал бы ей: «О дева! (Жан Поль любил это смешное слово) ты носишь терновый венец на окровавленной главе; зато вечные розы цветут в груди твоей». Не знаем, могло ли бы деву сделать счастливою подобное утешение; но знаем, что от таких утешений; общественные раны никогда не излечатся и что человек, выговаривающий такие утешения высоким до напыщенности слогом, как великие истины, толчет воду в ступе, ибо позволяет всему оставаться так, как оно есть. Сколько людей, и как уже давно, доказали верно и несомненно, что взаимная любовь между людьми; есть лучшая гарантия их общей безопасности и благосостояния; но люди тем не менее не хотят согласиться на такую любовь! Я очень рад, если вследствие любви меня никто не ограбит и не убьет на большой дороге, но, при отсутствии строгого полицейского надзора, я никак не положусь на любовь моих ближних... Конечно, естественная любовь матери к дочери – хорошая порука в том, что мать не выдаст своей дочери насильно за какого-нибудь негодяя (ибо всякий мужчина, способный насильно жениться, есть негодяй); но все-таки мое сердце меньше обливадается кровию при мысли о насильственных браках, когда возможность их уничтожена строгостию ясно и положительно высказанных законов...

Дитя должно быть для вас священнее настоящего, которое состоит из вещей и людей образовавшихся. Вникните в великое значение детского возраста! Воспитывая дитя, вы трудитесь для будущего, заготавливаете ему богатую жатву; не бросайте же на бразду земли пороху, который взорвет мину; но посейте на ней зерно хлебное, которое принесет плод и насытит душу. Дайте этому маленькому ангелу, готовому утратить свой земной рай и собирающемуся в путь далекий, неизвестный, – крепкую броню против судьбы, талисман, который защищал бы его в стране опасностей; даруйте ему небо и полярную звезду, которая руководила бы его в продолжение всей жизни и осветила бы перед ним мрачные страны, которые ему позднее суждено посетить. Осветите прежде всего его сердце лучом нравственного чувства: то будет заря прекрасной души. Внутренний человек, подобно негру, родится белым; жизнь – вот что очерняет его. В старости величайшие примеры нравственной силы проходят мимо нас, не совращая более нашей жизни с ее пути, подобно комете, летящей мимо

Антология из Жан Поля Рихтера... В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru земли; – в первой же поре детства, напротив, первый порыв любви, внешней или внутренней, первые несправедливости набрасывают долгую тень или яркий свет на необозримое поле следующих возрастов.

Почему вы знаете, что младенец, рвущий цветы подле вас, не устремится некогда со своей корсикой, как бог войны, в мятежную часть света, чтоб играть бурями, срывать, очищать или сеять? Неужели для вас ничего не значило бы, воспитавши его, сделаться его Фенелоном, его Корпелием и его Дюбуа? И если вы не могли ни сокрушить, ни поправить полета его гения (чем глубже море, тем круче его берега), вы бы могли в самом важном десятилетии жизни, на этом первом пороге, чрез который проходят все чувства, посещающие человеческое сердце, сковать возникающую силу льва и опутать его нежнейшими привычками прекрасного сердца и всеми узами любви.

Все это прекрасно, но всего этого мало. Что детей должно воспитывать хорошо, – об этом многие говорили и писали; и потому вопрос давно уже не в том, должно ли воспитывать детей, а в том, как должно воспитывать и в чем должно состоять основное начало истинного воспитания. У Жан Поля на все болезни одно лекарство и для всех целей одно средство – любовь. Но ведь и госпожа Простакова любила же своего Митрофанушку, и Брут любил своих сыновей{4}, любовь одна, а ее характер и проявление совершенно различны. Что же дало ей это различие? – то, что в первой есть только смысл, но нет никакой мысли, а во второй, кроме смысла, есть еще и мысль. Чтоб развить любовь в молодом сердце, надо заставить его полюбить что-нибудь, – и это «что-нибудь» должно быть истиною, мыслию. Молодых людей, и дома и в школах, учат любить правду, ненавидеть ложь, а когда они вступят в жизнь, их гонят за правду, и их правдивость называют гордостью, самонадеянностью, буйством и «вольнодумством» – любимое слово филистеров и гофратов... Итак, вопрос в том, должно ли детей воспитывать так, чтобы они могли уживаться с обществом, или должно желать, чтобы общество сделалось способным уживаться с людьми благовоспитанными. Этот вопрос важнее вопросов о всевозможных родах любви.

– Любишь ли ты меня? – воскликнул молодой человек в минуту чистейшего восторга любви, в то мгновение, когда души встречаются и отдаются друг другу. – Молодая девушка взглянула на него и молчала.

– О, если ты меня любишь, – продолжал он, – заговори! Но она взглянула на него, не будучи в состоянии говорить.

– Да, я был слишком счастлив, я надеялся, что ты меня любишь; все теперь исчезло – надежда и блаженство!

– Возлюбленный, неужели я тебя не люблю? – и она повторила вопрос.

– О, зачем так поздно произнесла ты эти небесные звуки!

– Я была слишком счастлива, я не могла говорить; только тогда возвращен мне был дар слова, когда ты передал мне свою скорбь...

Немногого детски, немного сентиментально, а хорошо! Мы по собственному опыту знаем, как сильно и как освежительно действуют на юные души подобные романтические мысли, изложенные таким эпически торжественным языком, с оттенком мистицизма. Но у Жан Поля есть вещи гораздо лучшие и высшие. Такова, например, его пьеса «Уничтожение» (Die Vernichtung), в которой высокая мысль облечена в образы, часто странные и дикие, но тем не менее грандиозные, изложение несколько натянуто, но тем не менее исполнено блеска могучей фантазии. «Сон несчастного под Новый год», которым оканчивается «Антология», принадлежит к числу особенно полезных для юношества пьес, потому что ее дидактизм не чужд некоторого поэтического колорита. Среди мыслей изысканных, среди сравнений натянутых, острот и каламбуров, отличающихся истинно немецкою легкостью и ловкостью, у Жан Поля встречаются мысли глубокие, сравнения верные и оригинальные, остроты меткие. – Вот несколько образчиков:

Умереть за истину не значит умереть за отечество – но за весь мир. Истина, подобно Венере Медичейской, перейдет к потомству в тридцати разных отломках; но потомство их соберет, и из этих дребезгов воздвигнется богиня. Твой храм, вечная истина, теперь вполовину сокрытый под землю, воздвигнется при раскапывании могил твоих мучеников и возвысится над землю; каждая его бронзовая колонна будет поирать любимую могилу.

* * *

Мысль о смерти должна для нас быть средством сделаться лучшими, но не конечною целию; если прах могильный западет в наше сердце, как земля в чашечку цветка, он его уничтожает вместо того, чтоб оплодотворить.

* * *

Антология из Жан Поля Рихтера... В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
Когда человек в присутствии моря или гор, пирамид или развалин; когда несчастье встает перед ним, готовое его поразить, – кого призывает он? – дружбу. Когда потоки гармонии прельщают его слух, когда томный свет луны играет на листьях деревьев, когда весна воскрешает природу, – кого он призывает? – любовь. И тот, кто никогда не искал ни той, ни другой, в тысячу раз беднее того, кто их обеих утратил.
* * *

Знаменитые писатели не более одарены творческими способностями, чем другие люди; они одарены только большею смелостью; они, не смущаясь, выворачивают свою душу и показывают себя такими, какими они есть, твердо опираясь на свою знаменитость, между тем как другие краснеют, скрываются и ослабляют главные черты своего характера в своих произведениях.
* * *

Старые эмигранты походят на часы с репетицией, оставшиеся несколько лет незаведенными. Когда подавишь пружинку, из всех часов дня они звонят и повторяют тот час, на котором остановились.
Вообще, из сочинений Жан Поля можно было бы выбрать для перевода на русский язык не одну весьма полезную книжку. Но, должно сказать правду, Г. Б., переводчик и издатель «Антологии», не обнаружил особенной разборчивости и вкуса в выборе отрывков из Жан Поля: большая половина его «Антологии» наполнена решительным пустословием, вещами, каких у Жан Поля целые томы и какие могли бы спокойно оставаться в немецком подлиннике, без всякого ущерба для русской публики, даже с большою для нее пользою, потому что чем менее печатного вздора, тем больше публика в выигрыше. Что нашел Г. Б. хорошего и достойного перевода вот, например, в этих мыслях:

Дети, супруга – суть горизонтальные и вертикальные корни, привязывающие нас к земле.
* * *

Должно бы тщательно во время собирания винограда выжимать каждую виноградинку, ибо она более не вырастет. Праздники, торжества и радости суть праздники непостоянные; минуты восторга сердечного суть случайные поэтические очерки, которым более не суждено возобновляться, – и в opera seria[3] жизни запрещено на афише заставлять повторять трудные арии.
* * *

Счастлив тот, чье сердце довольствуется одним, другим сердцем и ничего более не желает, ни английского парка, ни opera seria, ни музыки Моцарта, ни картин Рафаэля, ни лунного затмения, ни даже лунного света, ни романических сцен, ни их исполнения.
* * *

Любовь начинает с глаз, как искусство рисованья.
* * *

Гениальные женщины обыкновенно бывают безбожницами, мужчины же гениальные, напротив, всегда больше веруют.
* * *

Нет ничего лучше сердца молодой девушки и свежего масла; только оба со временем делаются горькими.
* * *

Дождевая капля нежно проникает в горную пещеру и увековечивается, превращаясь в крепкое, зубчатое лезвие. Слеза человеческая еще прекраснее. Она прорезывает уязвленное око; но влажный алмаз смягчается, и глаз смотрит за ним вслед: то роса на цветке.
* * *

Дерево, цветы которого весной были убиты морозом, осенью представляет прямую, печальную вершину, но ветви его не приносят плодов.
* * *

Чтоб полюбить человека, довольно подумать об его родителях, детях, об его привязанности и привязанности, к нему питаемой.

* * *

Все, что прекрасно, – тихо. Так лучшие народы суть народы самые мирные. Тяжелая работа убивает бедных детей и бедных народов.

* * *

Юноша падает на колени пред любимой женщиной, чтоб победить ее, как пехота пред кавалерией.

* * *

Подозрение есть фальшивая монета истины.

* * *

Различие мест, занимаемых в обществе, менее угнетает и стесняет великую душу, нежели различие полов.

* * *

Хорошо, что время идет да идет; а то скоро ли дошли бы мы до вечности. Что все это – сущий вздор, ясно без доказательств, и, повторяем, такими пустяками наполнена большая часть «Антологии». Вероятно, переводчик в этом случае рассчитывал на имя бессмертного гения Жан Поля Рихтера, думая, что под сению этого великого имени и потертая мишура сойдет с рук за чистое золото. Это большая ошибка с его стороны. В наше время имена ровно ничего не значат, и если бы у Шекспира, Байрона, Гете, Шиллера нашлось что-нибудь ничтожное и вздорное, его назвали бы тотчас настоящим его именем. В самом деле, «Фауст» Гете – великое произведение, но «Стелла», «Брат и сестра» и еще многое кое-что из сочинений Гете же – превздорные вещи. Впрочем, и не с таким неискусным выбором, Жан Поль не вытеснил бы французских романов. Не только лучшие, но и сколько-нибудь порядочные романы и повести французские всегда будут читаться больше сочинений Жан Поля, ибо они дельнее их, будучи исполнены интересов настоящего, которое одно важно для живых людей, потому что оно есть последний результат всего прошедшего и непосредственная причина будущего...

Даже в порядочных пьесах Жан Поля встречаются места, при чтении которых невольно восклицаешь:

Уж подлинно Бибрус богов языком пел:

Из смертных бо его никто не разумел{5}.

Поймите, например, смысл вот этих строк: «Готрейх хотя и отправился в высшую школу с обыкновенным небольшим вольнодумством, свойственным незрелому, рано развившемуся юноше, но (однако?) возвратился с сохраненною верою предков и отца своего, от настоящих учителей, научавших сохранять чувство древней богословии от пытливых объяснений толкователей, не обнажая корней пред светом, который содействует в людях, как и в растениях, одному лишь внешнему произрастению». Темноты этого периода никак нельзя приписать неискусству переводчика, потому что Г. Б., – должно отдать ему в этом справедливость, – переводит Жан Поля мастерски, не только верно, но еще и ясно, хорошим языком передавая его мысли. И потому в отношении к переводу и вообще редакции «Антологии» нам предстоит сделать только несколько легких замечаний. Во-первых, нам не нравится, что Филарет Шаль в своем «Очерке литературного характера Жан Поля» говорит о трудности переводить Жан Поля на русский язык; во-вторых, нам кажется уж слишком простодушною заметкою, несообразною с духом времени, на отдельных пьесах выставлять: посвящается такому-то или такой-то. Посвящение книги или пьесы кем-нибудь кому-нибудь должно иметь достаточное основание, чтобы не казаться ребяческою проделкою, а эта достаточная причина должна заключаться и в именах посвящающего и того, кому посвящается сочинение, и влажности самого сочинения. Но перевод прозою пьески – с посвящением – это так же наивно, как и стихи какого-нибудь поэта, над которыми красуется: посвящается и пр. На 14-й странице мы встретили подъяческое местоимение «оную» и удивились «оному», как старой ветоши, вшитой в новое платье. На 104-й странице мы нашли повторение строк, которые уже прочли на 46-й странице. На 52 странице нас поразили какие-то загадочные буквы: к. и н., и мы тщетно старались разгадать их таинственный смысл. На 74 странице встретили имя Гесперус, которое по-русски пишется просто Геспер... Но это все мелочи, и перевод, равно как и издание этой книжки, прекрасны. Сверх того, она украшена сходным и превосходно налитографированным портретом Жан Поля, с снимком внизу его подписи.

Г-н Б. обещает продолжать издание «Антологии». Доброе дело; желаем ему полного

Антология из Жан Поля Рихтера... В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru успеха, для обеспечения которого нужно только побольше строгой разборчивости. Как бы то ни было, но «Антология из Жан Поля Рихтера», в беллетристическом бюджете нашей литературы за нынешний месяц, есть единственная замечательная книга, о которой можно было сказать что-нибудь.

Примечания

Антология из Жан Поля Рихтера... (с. 469–481). Впервые – «Отечественные записки», 1844, т. XXXIV, № 6, отд. VI «Библиографическая хроника», с. 57–67 (ц. р. 30 мая; вып. в свет 3 июня). Без подписи. Вошло в КССБ, ч. IX, с. 140–155.

Переводчик отрывков, составивших «Антологию из Жан Поля Рихтера» – И. Е. Бецкий, издатель украинских литературных сборников «Молодик», выходивших в 1840-х гг. в Харькове.

Рецензия на антологию – одно из выразительных свидетельств тех важных перемен, которые совершались в середине 1840-х гг. в эстетических взглядах Белинского и в конкретных критических оценках им отдельных писателей и литературных направлений. Еще в начале 1840-х гг., положительно характеризуя поэтическое мировоззрение Жан Поля, прихотливо соединившего в своем творчестве черты просветительского, сентименталистского и романтического подхода к действительности, Белинский ставил его в ряд с такими выдающимися писателями, как Шиллер, Гофман, Байрон и др. Ср. в статье об «Очерках русской литературы» Н. Полевого, где отмечается «величие» в самой «односторонности» Жан Поля, равно как и у Шиллера и Байрона (см. наст. изд., т. 2, с. 252). Во вполне положительной оценке отрывков из Жан Поля в переводе И. Бецкого, хотя и не лишенной отдельных нот осуждения, Белинский характеризует писателя как «уродливого, дикого гения Германии, который в своих поэтических созерцаниях то возвышался до вечных звезд поэзии, то впадал в изысканность и в совершенное безмыслие, если не в бессмыслие» (там же, с. 389). В статье «Разделение поэзии на роды и виды», опираясь на суждения Жан Поля о лирике, Белинский называет его «знаменитым поэтом-мыслителем» (наст. изд., т. 3, с. 299), говорит о «мирообъемлющих созерцаниях исполинской фантазии» его в «поэтических афоризмах» (там же, с. 347). Правда, в начале 1840-х гг., в пору наиболее критического отношения к субъективной, идеальной поэзии Шиллера, последний и Жан Поль ставятся намного ниже, чем Пушкин и Шекспир, поэты «действительности, а не идеальности» (т. 3, с. 406).

В данной рецензии, несмотря на повторение того, что творчество Жан Поля занимает «почетное место в немецкой литературе» и что он имел влияние на Германию своего времени, напротив, всячески отмечается, что он не может быть признан «великим писателем», гением. Критик подчеркивает, что «замечательно сильный талант» Жан Поля принял «до дикости странное направление» и развился «уродливо». Насмешливо выделяются проявления «филистерской елейности» в его отношении к социальной действительности эпохи, многие из его афоризмов откровенно именуется «вздором». Характерно, что даже в произведениях Гофмана, юмор которого и теперь признается «гораздо жизненнее, существеннее и жгучее» юмора Жан Поля, Белинский осуждает «нелепый и чудовищный фантазм, в котором, как многоценная жемчужина в тине, потонул его блестящий и могучий талант». Так, прянее, суровее оценивает Белинский теперь противоречия в отношении романтиков и идеалистов к действительности. Рецензия по общему направлению и выводам соотносится с появившейся четыре месяца спустя статьей о «Сочинениях В. Ф. Одоевского», которого в начале 1840-х гг. Белинский блинке всего сопоставлял «по духу, форме и достоинству» произведений именно с Жан Полем (см. наст. изд., т. 3, с. 348).

В «Антологии» Белинский выделяет прежде всего те отрывки, которые выражают критическое отношение Жан Поля к отдельным сторонам современной социальной действительности. Так, цитируется большой отрывок, связанный с критикой брачных отношений и униженного положения женщины в буржуазном обществе. Это связывает данную рецензию с рецензией на роман Ф. Бремер «Семейство» (см. примеч. к ней). Вместе с тем Белинский отмечает половинчатость и слабость подобных критических выступлений Жан Поля. В этом плане Белинский противопоставляет Жан Полю современные французские романы, исполненные «интересов настоящего, которое, одно важно для живых людей, потому что оно есть последний результат всего прошедшего и непосредственная причина будущего...». При этом Белинский ставит на первое место Жорж Санд, произведения которой в это время подвергались в России нередко преследованиям и вызвали возмущение реакционной и консервативной критики.

В последующих произведениях Белинского упоминаний о Жан Поле уже почти нет (ср., впрочем, упоминание об историко-литературном значении двух его романов в статье о «Терезе Дюнойе» Э. Сю в т. 8 наст. изд.).

Сноски

1

показать кончик своего носа (фр.). – Ред.

2

обязательство (лат.). – Ред.

3

серьезной опере (ит.). – Ред.

Комментарии

1

Из стихотворения Е. А. Баратынского «На смерть Гете» (1832).

2

Князь Иринеус (Ириней) в произведении Гофмана «Житейские воззрения кота Мурра».

3

Поэт Фирмиан – в романе Жан Поля «Зибенкэз».

4

Первый консул Римской республики Люций Юний Брут осудил на смерть своих детей, сторонников Тарквиния Гордого.

5

См. примеч. 5 к рецензии на «Метеор», с. 756.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://belinskiyvissarion.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiytyodor.ru/> Приятного чтения!